

Летом 1956 года был приобретён велосипед, взрослый, но дамский, так как на нём собирались ездить мама и Люба. Люба уже где-то научилась кататься на двухколёсном велосипеде, а я не умел, несмотря на свой почти тринадцатилетний возраст. Не смущаясь, однако, этим и тем, что велосипед дамский, я взялся за его освоение, научился ездить и вскоре целыми днями пропадал на нём в компании с Сашкой и Вавкой, у которых тоже были велосипеды. Это увлечение привело меня к заключительной в моём детстве порке.

Люба на велосипеде

Как-то сразу после школы (мы учились в первую смену), ещё не пообедав, мы втроём решили прокатиться. Проехали до конца нашей Красной улицы, выехали на Светлогорское шоссе и поехали по нему. Ехали, ехали, не быстро и не медленно, а дорога становилась всё интереснее, вот танк проехали, озеро, а до этого были самолёты Чкаловского аэродрома, затем пошли затяжные спуски, лететь по которым доставляло жуткое удовольствие, не умалявшееся даже последующими подъёмами, погода была отличная, стоял тёплый сентябрь, и мы, наверное, просто не могли отвлечься от езды и задуматься над тем, что мы никого не предупредили. Так и доехали до Светлогорска, до указательного километрового столба с цифрой "39".

Перед Светлогорском мы сделали привал у кукурузного поля, думали початки найти, но их не оказалось, зато раздобыли кислых яблок, чем и пообедали. По Светлогорску мы кататься не решились, сочли, что некогда уже, и отправились обратно. Вся наша поездка заняла часов около шести. Когда мы добрались до дому и слезли с велосипедов, покачиваясь, как моряки, сошедшие на берег, был поздний вечер. Моих родителей дома не было. Как доложила Любка, они отправились на поиски меня в милицию.

-Ну, тебе, Сашка, будет... - уведомила меня сестра тоном, говорящим, что она даже не в состоянии себе представить, что мне будет. Сил на переживания и моральную подготовку ко встрече с родителями у меня уже не было. Я рухнул на свою раскладушку и моментально уснул. Разбудил меня отец с ремнем наготове, коим тут же на раскладушке и

выпорол незадачливого путешественника. Снизу доносились вопли подвергнутого той же экзекуции Сашки Чеснокова, а на нашем этаже в унисон мне голосил Вавка Караванов.

На велосипедное катание был наложен запрет, но он длился, конечно, не слишком долго. Впоследствии я на этом велосипеде много ездил на рыбалку и за грибами. Рыбачили мы обычно на Люблинском озере, где хорошо ловилась краснопёрка, особенно с плотины на канале. По самому каналу мы как-то прошлись с бреднем (не помню, откуда и взяли его), попало несколько линей, которых я видел впервые. Они поразили меня своей благородной непохожестью - толщиной, гладкостью, зелено-золотистым цветом - на известных мне до сих пор рыб.

В окрестностях Люблина мы собирали и грибы, таская за собой велосипеды. Однажды, возвращаясь с рыбалки, я набрал полную сетку красавцев-подосиновиков буквально с одной пришоссейной поляны, на которой росло несколько далеко отстоявших друг от друга берёз. И под каждой из них я находил штук по пять, а то и больше подосиновиков.

Во время одной из рыбалок мы поймали довольно большого ужа, длиной около метра и толщиной сантиметра в три в самом толстом месте - посередине. Я сам схватил его рукой за шею, уж раскрыл всю свою пасть, обвился вокруг моей руки, но сопротивлялся недолго и быстро успокоился. Я притащил его домой, точнее, привёл на верёвочке, которой я перевязал его под головой. Я шёл, держа конец верёвочки, а уж полз впереди меня, не сворачивая в сторону, как послушная собачка. Мы с ним быстро привыкли друг к другу. Я брал его с собой в школу и носил за пазухой своей вельветовой курточки. Уж либо опоясывал меня, либо залезал в рукав, высовывая из него голову, которой я приводил в ужас девчонок и ошарашивал учителей.

Наощупь уж был сухой, тёплый и приятный вопреки всяким дурацким представлениям о скользких мерзких и гадких змеях. Пожив некоторое время у нас дома в трёхлитровой банке, которую я накрывал своим фонарным ящиком, уж, наконец, сбежал оттуда непостижимым образом. А как-то вечером, через неделю после этого, уже улегшаяся спать Любка вдруг позвала меня, уверяя, что где-то посвистывает уж. И действительно, он нашёлся за огромным буфетом на кухне, где питался, наверное, мокрицами, там проживавшими.

Во время экскурсии нашего класса на катере на Балтийскую косу я выпустил ужа в воду Морского канала, и он поплыл к берегу, подняв столбиком сантиметров десять своего туловища, увенчанного как кепочкой треугольной головой с двумя жёлтыми пятнышками, часто высовывая свой раздвоенный язычок, очевидно, от удовольствия.

[\(продолжение следует\)](#)